

Держась до последних сил, Лю Яоцин наконец-то нашел украшения и, больше не задерживаясь в главной комнате, сразу же вернулся к себе.

Син-гэ хотел поддержать Лю Яоцина, но шедший сзади Чжэцзы-гэ тут же подбежал и, поддерживая его, взял всё на себя, улыбаясь Син-гэ:

— Я справлюсь. Я справлюсь. Цин-гэр, как ты себя чувствуешь? Слышал, что в последние дни тебе было плохо, но всё никак не мог зайти.

— Сейчас уже лучше, — ответил Лю Яоцин, в памяти которого этот человек уже был.

Чжэцзы-гэ был на год старше Син-гэ, семья у него была простой, вроде бы только один дядя, и он часто приходил сюда поиграть с Лю Яоцином. Нрав у него был хороший.

Войдя в комнату, Лю Яоцин поднялся на кан. Син-гэ с радостью достал серебряные украшения и показал их Ли-ши, весело сказав:

— Мама, смотри, украшения нашлись. Хромой Лай сказал, что они стоят примерно один лян серебра.

На лице Ли-ши появилось выражение, будто она то ли плачет, то ли смеется. Взяв украшения и аккуратно убрав их, она подмигнула Син-гэ, а сама повернулась, принесла на кан кашу и стала кормить Лю Яоцина.

Она только что варила кашу в комнате, и шум из главной комнаты был слышен совершенно отчётливо. Она собиралась дожидаться, пока каша сварится, прежде чем выйти, но не ожидала, что мужчины вернутся так быстро.

Из-за присутствия Чжэцзы-гэ, постороннего человека, Ли-ши молча опустила голову. Сначала Син-гэ был радостным, но, увидев мрачное лицо Лю Цюаньцзиня, тоже замолчал, не решаясь говорить.

Посидев на краю кана и понаблюдав за Лю Яоцином, Чжэцзы-гэ улыбнулся:

— Вижу, что с тобой всё в порядке. Мне пора идти.

С этими словами он спрыгнул с кана, достал из корзины за спиной дикую курицу, положил её на пол и, не дожидаясь ответа, вышел.

С мрачным видом Лю Цюаньцзинь закрыл дверь и сурово посмотрел на сидящего на кане Лю Яоцина.

— Сколько раз твой дед говорил, что нужно почитать старших, а ты как это делаешь? Твоя бабушка уже в годах, ей нелегко, а ты что за слова говоришь? — с горечью произнес Лю Цюаньцзинь. — Я просто пошёл к старикам, попить чаю, поговорить... А посмотрите на вас, вы все...

Он тяжело вздохнул, и разочарование явно читалось на его лице.

Ли-ши опустила голову, не решаясь заговорить. Син-гэ хотел что-то сказать, но она быстро закрыла ему рот рукой.

Наблюдая за всем этим, Лю Яоцин вздохнул про себя. Именно из-за того, что Лю Цюаньфу всегда любил поучать, как будто он всегда прав, а Ли-ши не позволяла другим детям говорить,

со временем даже такой взрослый мужчина, как Син-гэ, перестал высказываться.

Доелив кашу, Лю Яоцин почувствовал тепло в желудке и ему стало гораздо легче.

Он посмотрел на сидевшего внизу Лю Цюаньфу, который без остановки вздыхал, словно все вокруг совершили нечто ужасное.

— Папа, мама отдала тебе украшения, чтобы нанять врача и спасти мне жизнь. Почему ты отдал их дяде? — спросил Лю Яоцин с ровным выражением лица, хотя внутри ему было очень тяжело. — Мама, Син-гэ, прошлой ночью, когда вы встали проверить меня, был ли момент, когда я перестал дышать...

Ли-ши вздрогнула, опустив голову ещё ниже, и украдкой вытерла уголок глаза.

Хотя она всё ещё боялась говорить, у Син-гэ покраснели глаза.

Они оба не спали всю ночь, наблюдая за Лю Яоцином, и действительно был момент, когда он перестал дышать, но потом снова начал. Мать с сыном решили, что это им показалось.

Увидев, что Лю Цюаньфу всё ещё молчит, Лю Яоцин почувствовал сильное разочарование. Собравшись с силами, он сказал:

— Папа, ты чуть не лишил меня жизни. В будущем... я, пожалуй, не буду считать тебя своим отцом.

— Что ты сказал? — резко поднял голову Лю Цюаньфу, его глаза покраснели, глядя на Лю Яоцина.

В этот момент Лю Цюаньфу был совсем не похож на человека, охваченного горем, скорее на разъяренного льва.

— Ты ведь в порядке, не так ли? Ты становишься всё более непослушным, дерзишь дедушке и бабушке, ты вообще знаешь, что такое сыновняя почтительность? Сто добродетелей начинаются с почтительности к родителям!!!

В ярости Лю Цюаньцзинь поднял руку, и кулак уже был готов обрушиться, но Ли-ши быстро встала перед Лю Яоцином, заливаясь слезами, но всё ещё не решаясь говорить.

В этом доме всё было именно так: единоличное правление Лю Цюаньфу.

— Мама, — спокойно сказал Лю Яоцин, — отойди. Сегодня я посмотрю, действительно ли папа хочет убить меня или что-то ещё. В любом случае, моя жизнь здесь, посмотрим, решит ли папа отдать меня в руки небес.

Увидев, что Ли-ши всё ещё стоит перед ним, Лю Яоцин переместился в сторону, лицом к Лю Цюаньцзиню, прямо глядя ему в глаза:

— Папа, ты как следует подумай...

Разъяренный Лю Цюаньцзинь уже хотел ударить, но, встретившись с глубокими, черными, бездонными глазами Лю Яоцина, наполненными тяжелой, удушающей грустью, он внезапно очнулся, осознав, что действительно собирался ударить своего ребенка.

Ребенок ошибся, и если он действительно не слушается, его можно наказать, но он же вернул

серебряные украшения своей матери, разве это было ошибкой?

— Ты не должен был дерзить дедушке и бабушке, — подумал Лю Цюаньцзинь, и гнев снова начал подниматься в его сердце.

— А почему ты, папа, сидел в главной комнате, пил чай и не пришёл проверить, жив ли я? — Лю Яоцин прижал руку к груди, действительно чувствуя, что ему тяжело дышать от горя. — Если бы прошлой ночью я действительно не выжил, ты бы всё ещё сидел в главной комнате, пил чай с дедушкой и бабушкой?

Вспомнив, как прошлой ночью она заметила, что Лю Яоцин действительно перестал дышать, Ли-ши почувствовала сильную боль в сердце. Она бросилась к нему, обняла и, рыдая, сказала:

— Если хочешь бить, бей меня, ребенок не виноват.

— Цин-гэр, ты дома? — вдруг раздался голос Юй-гэра снаружи.

Лю Яоцин поднял голову и увидел, что Юй-гэр стоит во дворе, выглядывая в окно, руки в карманах, с возбужденным выражением лица.

— Цин-гэр, выходи скорее, в главной комнате дядя ссорится с дедушкой и бабушкой! — продолжил кричать Юй-гэр.

Ещё никто не успел пошевелиться, как Лю Цюаньцзинь первым отреагировал. Не обращая внимания на Ли-ши, Син-гэ и Лю Яоцина, он быстро вышел и большими шагами направился в главную комнату. Ли-ши тоже хотела последовать за ним, но Лю Яоцин быстро остановил её.

— Мама, оставайся в комнате, я пойду посмотрю, — сказал Лю Яоцин, затем крикнул наружу:

— Юй-гэр, что случилось?

Услышав его голос, Юй-гэр подбежал к двери, поставил ногу на порог, оперся плечом о дверной косяк и таинственно сказал:

— Я слышал, как дядя требовал у бабушки серебро, бабушка не дала, и он что-то пробормотал, а потом они начали ссориться.

— Пойдём посмотрим, — сказал Лю Яоцин, хотя у него уже были догадки, но лучше было увидеть всё своими глазами.

Выйдя во двор, они увидели, что дверь в главную комнату открыта. Син-гэ немного заколебался:

— Цин-гэр, мы ведь дети, если пойдём туда, нас, наверное, выгонят. Что делать?

— Пойдём к окну, — без раздумий ответил Лю Яоцин.

Раньше, будь то старик Лю или Лю Цюаньцзинь, мужчины в доме всегда были непреклонны, и детям не разрешалось даже возражать. Со временем, когда взрослые обсуждали дела в главной комнате, дети не подходили близко, и никто из детей не осмеливался приближаться.

Таким образом, бабушка и старик Лю казались детям особенно таинственными и далекими.

Это чувство Лю Яоцина было очень сильным, как будто это было остаточное ощущение

прежнего хозяина тела. Он чувствовал, что бабушка и дедушка были высшими существами, и даже поход в главную комнату вызывал у него дрожь.

— Эх, мы просто хотим узнать, что происходит, — тихо сказал Лю Яоцин, и они с Син-гэ и Юй-гэром остались под окном.

Похоже, это было впервые, когда они делали что-то подобное, и Син-гэ с Юй-гэром были одновременно взволнованы и напуганы.

Внутри комнаты Лю Цюаньцзинь ворвался, взглянул на нахмуренного Лю Цюаньфу и такую же нахмуренную бабушку, и спросил:

— Мама, брат, что случилось?

— Верни мне серебро, Хромой Лай ждет денег за вино, — упрямо сказал Лю Цюаньфу.

— Ты сам пошел пить, плати сам, — сказала бабушка, но при этом посмотрела на Лю Цюаньцзиня.

Автор хочет сказать:

В некоторых традиционных семьях всё обстоит именно так: глава семьи — единоличный властелин, но он больше ценит своих родителей и братьев, считая ответственность за жену и детей делом второстепенным. Более того, жена и дети воспринимаются как его частная собственность, которую можно бить и даже убивать. Часть более феодально настроенных семей поступает так же: как и в древности, на первом месте стоит развитие клана, а маленькая семья уходит на второй план.

<http://bllate.org/book/16688/1531650>